

Философия Ф. Ницше и ее влияние на культуру XX века

Кищук Ю.Ф.

О Ницше и его философии сегодня говорят и пишут так много, что может показаться, будто эта философия является уже достаточно изученной. Противоречивая и не поддающаяся однозначной интерпретации философия Ф. Ницше оказала колоссальное влияние на все философские направления, искусство и литературу XX века. Прослеживая прямое или косвенное воздействие Ницше на мировую и отечественную литературу, можно отметить отрывки его идей у Альбера Камю, Ф. Юнгера, Ж.П. Сартра. В России творчество Ницше оставило глубокий духовный след: такие мыслители как В. Соловьев, Лопатин, Е. Н. Трубецкой, Луначарский, Бердяев, Шестов и Бубнов, настойчиво вникали в философию Ницше. Заметно влияние идей философа как на Ф.М. Достоевского, А. Белого, М. Булгакова, так и на современника В. Пелевина.

Желая освободить "жизнь" от подавляющего гнета разума, Ницше провозгласил "переоценку всех ценностей", переход "по ту сторону добра и зла". "Смерть бога", "богоутрата", переживаемая человечеством, должна облегчить этот путь. Нет никого, кому мы обязаны отдавать отчет в своей жизни, кроме нас самих. Человечество может делать с собой все что хочет. Жизнь есть только эксперимент познающего, а не его обязанность. На основании этой философии Ницше создал свой миф о "сверхчеловеке" - сильной личности, свободной от морали, смирения, открыто тянущейся ко злу как единственной силе созидания, смотрящей в лицо смерти с веселым трагизмом, движимой вперед "волей к власти".

Ницше интересен еще и тем, что сформулировал своеобразную философию власти. В немецкой философии присутствует термин "воля к бытию", введенный Артуром Шопенгауэром. Этот термин Ницше трансформировал в "волю к власти" и тем самым обозначил новую область в определении природе власти, как таковой. Совершенно очевидно, что философский сценарий XX века во многом развивался по Ницше. Великий философ достаточно точно определил, что власть, опираясь на закон, выступая от имени закона, сама склонна этим законом пренебречь. Ницше выделил два типа людей, которые всегда будут нарушать закон. Первый тип - преступники вне закона, они находятся внизу, а закон над ними. Второй - люди над законом: это представители власти. Сталину и Гитлеру законы были ни к чему. Ницше обнаружил сходство между этими двумя типами - нарушать закон, перешагивать через него в силу "воли к власти". В свете Мировых войн и авторитарных режимов проблема, обозначенная Ницше более века назад приобретает особую актуальность.

Представим краткий биографический очерк жизни Ф. Ницше.

Фридрих Вильгельм Ницше родился 15 октября 1844 года в саксонском городке Рекен в семье протестантского священника. Он получил блестящее гуманитарное образование сначала в школе, а затем в Боннском и Лейпцигском

университетах. Едва достигнув возраста 24 лет, он получает должность профессора классической филологии в университете г. Базеля (Швейцария). Столь благополучно складывавшаяся вначале академическая карьера Ницше, однако, была вскоре разрушена как его скандальными, с точки зрения тогдашнего историко-филологического сообщества, публикациями, так и нараставшими симптомами нездоровья.

Творчество Ф. Ницше изобилует крайностями. Так, раннее увлечение философией А. Шопенгауэра и музыкальным реформаторством Р. Вагнера сменяется очень резкой критикой и того и другого. За романтической культурфилософией начала 70-х годов, нашедшей воплощение в таких работах, как "Рождение трагедии из духа музыки" (1872) и четырех эссе, объединенных названием "Несвоевременные размышления" (1873-1876), следуют "позитивистские" книги "Человеческое, слишком человеческое" (1878-1880), "Утренняя заря" (1881) и "Веселая наука" (1882). Ухудшающееся состояние здоровья, а также глубокое разочарование в академической деятельности приводят к тому, что в 1879 году Ницше навсегда оставляет профессорскую должность и с тех пор ведет жизнь свободного художника. На курортах Швейцарии и Италии он создает свои сочинения, воплотившие наиболее зрелые и оригинальные его идеи: "Так говорил Заратустра" (1883-1885), "По ту сторону добра и зла" (1886), "Генеалогия морали" (1887). Ницше намеревался осуществить систематическое изложение своей философии, в его архиве имеются многочисленные планы и наброски, свидетельствующие о том, что стержнем этого сочинения должна была стать идея "воли к власти". Однако проект *magnum opus* так и остался нереализованным: им была написана лишь первая часть, озаглавленная "Антихрист". Часть подготовительных набросков была опубликована посмертно под названием "Воля к власти" (1901-1906). Ницше отвлекался от работы над главным проектом, чтобы написать памфлет "Казус Вагнера" (1888), за которым последовало не менее резкое сочинение "Ницше против Вагнера". Эта последняя работа, как и другие сочинения 1888 года - "Сумерки идолов", "Антихрист" и "Ессе Номо". являющаяся своего рода автобиографией, - были опубликованы уже после того, как разум философа помрачился. Это случилось в первых числах 1889 января года. Умер Ф. Ницше 25 августа 1900 года.

Рассмотрим схожесть Фридриха Ницше и Льва Толстого.

Для девяностых годов равно характерны и влияние Толстого, и влияние Ницше. Что же объединяло и разделяло Толстого и Ницше? Обоим противно зрелище современного человека, надевающего на себя "маску". Оба против "маски", за чистоту и за искренность. Но Толстой видел выход в том, чтобы отказаться от "маски" государственного деятеля, судьи, солдата, помещика и тому подобное, и вернуться к христианскому первообразу личности. Ницше, наоборот, призывал отказаться от "маски" христианина; стать тем, "что ты есть": государственным деятелем, судьей, помещиком... Толстой находил в цивилизации враждебные христианству черты, Ницше в самом христианстве находил начала, враждебные жизни; он считал, что оно ведет к уничтожению

подлинных человеческих ценностей, порождению человека-раба... В области морали (достаточно вспомнить хотя бы одно произведение Толстого, чтобы определить этого писателя однозначно в области морали, как величайшего моралиста: он бесконечно поучает читателя. Ницше же всячески отрицает мораль, он ее просто не приемлет, он никогда не поучает, а только предлагает на рассмотрение свои умозаключения) Ницше и Толстой не родственники, но антиподы, хотя и совпадающие в крайнем неприятии лицемерия современного им общества [Усманов Д. Идеи философии Ф. Ницше в творчестве А. Блока // http://www.edu.yar.ru/russian/discover/00/s1_1.html]. Влияние Ницше было все же сильнее. Ницше понимали по-разному. Для одних он был отрицателем, “человеком последнего бунта,” ломавшим историческую мораль. Для других он был учителем, именно учителем и проповедником новой нравственности, “любви к дальнему” (ср. статьи о Ницше В. П. Преображенского в “Вопросах философии и психологии” и позже статью С. Л. Франка в “Проблемах Идеализма”). И, странным образом, именно Ницше многим подсказал идею религиозного синтеза, религиозной культуры.

Рассмотрим влияние Ницше на творчество Мережковского [См.: Синеокая Ю. В. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // http://n0name.boom.ru/Views/Blue-eyes_int.htm].

Творчество Мережковского всего характернее для этого перехода от литературы к религии под “конец века.” Мережковский начинает поэзией скорби и разочарования, и жаждой веры. У Ницше он учится освобождению через красоту. И от Ницше берет свою основную антитезу: эллинизм и христианство, “олимпийское” начало и “галилейское,” — “святость плоти” и “святость духа.” У Мережковского болезненное пристрастие к логическим схемам, к контрастам всего больше, — не к диалектическим антитезам, но именно к тем эстетическим контрастам, которые не поддаются разрешению в синтезе. (Ср. резкое замечание Бердяева: “Тайна Мережковского и есть тайна двоения, двоящихся мыслей”). И все его мировоззрение построено на этом противопоставлении Эллады и Христа. Эллада была для Мережковского открытием и освобождением. “Я взглянул, увидел все сразу, и сразу понял, — скалы Акрополя, Парфенон, Пропилеи, и почувствовал то, чего не забуду до самой смерти. В душу хлынула радость того великого освобождения от жизни, которое дается красотой.” Эллада есть красота, но красота искусства, не столько живая красота, — “белое мраморное тело Эллады.” Освобождение от жизни, “сладкий отдых смерти.” Но белизна мрамора и синева южного моря зачаровывают. И на этом ярком фоне зловещими кажутся “черные, бесцветные тени монахов.” Христианство для Мережковского есть именно монашество, аскетизм, мироотречение, ненависть к миру, густая и тяжелая тень. Это — чрезмерность духа, как в эллинизме чрезмерность плоти. Этот контраст он хотел показать в образах в своих исторических романах. Здесь сразу сказывается искусственность плана. В IV веке, конечно, вся сила жизни была в Церкви, и эллинизм умирал внутренней смертью. Но Мережковского именно и привлекали эти упадочные люди умирающей античности, так напоминавшие

современных людей, все эти утонченные и одинокие эстеты, софисты, гностики, — люди упадка, не возрождение...

Но Мережковский идет дальше и ставит тему синтеза. Как сочетать эти “две бездны,” верхнюю и нижнюю, дух и плоть? Как преодолеть аскетическую узость “исторического христианства?” Здесь очевидное двоение понятий. Мережковский прав, что христианство освящает плоть, ибо есть религия Воплощения и Воскресения. Потому и аскетизм есть только путь. Но он хочет воссоединить и освятить непреображенную плоть, все эти экстазы плоти и страстей. Синтез был бы возможен только в преобразении, но именно преобразования и одухотворения плоти Мережковский и не хочет: “не слиты, сплетены...”

И получается обманное смешение, блудящий пламень, прелесть... Мережковский знал об этой опасности и надеялся ее избежать.

“Я знаю, что в моем вопросе заключается опасность ереси, которую можно бы назвать, в противоположность аскетизму, ересью астартизма т. е. не святого соединения, а кощунственного смешения и осквернения духа плотью...”

Если это так, то пусть меня предостерегут стоящие на страже, ибо, повторяю, я не учу, а учусь, не исповедую, а исповедуюсь. Я не хочу ереси, не хочу отрыва...”

Вряд ли только Мережковскому удалось избежать этого “смешения,” этой прельстительной двусмысленности...

Во всяком случае, “историческое христианство” вовсе не было так “бесплотно,” как то требуется искусственными схемами антипозиций у Мережковского. Сам он весь обращен к Грядущему, к Третьему Завету. Он предчувствует “величайший космический переворот,” на полпути ко Второму Пришествию. Кончается “историческое христианство,” и не кончается ли эпоха Западной Церкви? Ибо исполнена историческая задача Запада: “отторжение от язычества.” И не открывается ли черед Восточной Церкви? “Не будет ли и Она призвана к некоторому великому действию, в которое, м. б., и вместится никем не вмещенное Слово Господне о Святом Духе и Святой Плоти?” Мережковский тогда, впрочем, не хотел отделяться от “исторической” Церкви, он верил в ее творческие возможности. Это и привело его к встрече с “церковниками,” на “Религиозно-философских собраниях” в Петербурге, в 1901-1903 годах...

Мережковский говорил о “христианском Возрождении,” в противовес слишком языческому Ренессансу, и спрашивал, не начинается ли уже это возрождение в русской литературе, — но в литературе ли должно начинаться религиозное возвращение? И не было ли бы это им воображаемое Возрождение снова только восстановлением язычества больше, чем раскрытием христианства? Все же Ницше или Гете для Мережковского ближе, чем хотя бы даже Данте или Франциск Ассизский. “Исторического христианства” Мережковский просто не знал и все его схемы ужасно призрачны.

Ницше и Германия.

Необходимо отметить также часто приписываемое влияние его философии на идеологию фашизма, здесь необходимо, как мне кажется, сказать

о том, что фашисты сфальсифицировали учение Ницше, «исправив» его и направив в нужное им русло. В целом творчество Ф. Ницше направлено против фашизма, в основе которого лежали пангерманизм, антисемитизм и славянофобия. Философия Ницше превратилась для становящейся на рубеже веков немецкой социологии в проблему. Дело в том, что в своей действительно «несвоевременной» форме этот мыслитель еще до 1890 года дистанцировался не только от прогрессивного оптимизма XVIII и XIX веков, но и диагностировал глубокий кризис европейской культуры, который, по его словам, невозможно преодолеть социал-политической и социалистической программой реформ. Последние лишь еще больше подчеркивали глубину этого кризиса. Так называемый «социальный вопрос» трактовался Ницше как симптом общего упадка культуры, нигилистические последствия которого получают наиболее адекватное выражение в связанном с обществом, как чистой сферой «социального», идеале познания и ценностей. Упадок культуры как практическое следствие нигилистической системы ценностей предшествующего процесса обобществления и общий декаданс существующих форм жизни с одной стороны, необходимость обширных историко-моральных исследований и нового понимания общества как культурной целостности с другой — суть послание Ницше, оказавшее огромное влияние на развитие немецкой социологии рубежа веков, неоставшееся без последствий и по сей день.

Первая попытка анализа влияния творчества Ницше на современную социологию была предпринята в 1893 году Л. Штайном [*Гергилов Р.Е. Влияние Ницше на немецкую социальную мысль рубежа XIX-XX веков // <http://anthropology.ru/ru/texts/gergilov/nietz.html>*]. Этот исследователь стал известным после опубликования им труда «Социальный вопрос в свете философии» и закрепивший этот успех в 1921 году «Введением в социологию». Свое «критическое эссе» он посвятил разбору «культы Ницше» вообще и «критике его негативной части социологии и этики» в частности. Отправным пунктом его критики послужила «К генеалогии морали», философско-историческую концепцию которой он характеризовал как «социологическую мифологию». Восхищаясь литературным талантом автора и его мастерством изложения материала, Штайн, тем не менее, отмечал «социологическую наивность» Ницше в вопросах истории происхождения европейской культуры и государства. Основная в трактовке Ницше феномена культуры категориальная пара: «мораль господ» и «мораль рабов» была сведена критиком к ценностным понятиям «добро» и «зло» и отнесена к сфере метафизических «спекуляций». Он отрицательно оценивает значение теории культуры Ницше для современных социологических исследований. «Его идеи о возникновении культуры и морали молодой растущей науке социологии сегодняшнего дня кажутся наивными анахронизмами».

В западной, прежде всего американской и немецкой литературе, проблеме осмысления идейного наследия Ницше в России посвящено немало специальных работ. Существует целый ряд исследований, посвященных

влиянию учения Ницше на духовную традицию не только стран Западной и Восточной Европы, но и Америки, и даже Азии. С конца 90-х сочинения Ф.Ницше выходят в России и его идеи становятся «...идеями времени, которые, по словам Н.К.Михайловского, «носятся в воздухе» [*Михайловский Н.К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX-начала XX века. Л., 1989. С. 504*]. Став «...едва ли не самым всеядным властителем дум начинающего столетия» [*Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 34*]. Ницше становится популярным в кругах русской интеллигенции, в творчестве писателей различных литературных направлений. Вместе с тем усвоение ницшеанского учения не обязательно приводило к принятию всего Ницше. Как отмечал Н.А. Бердяев, «...русские обладают исключительной способностью к усвоению идей и учений и их своеобразной переработкой» [*Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.18*]. Таким образом, в России рубежа веков был «русский Ницше», не вполне совпадающий с подлинным: свой у каждого писателя.

В заключение хочется отметить, что идеями Ф. Ницше увлекались многие писатели: Т. Манн, Г. Манн, Р. Киплинг, Э. Синклер и др. Судьба Ницше оказалась "вплетенной", по свидетельству самого Т. Манна, в историю "вдохновенно-больного музыканта" Адриана Леверкюна, главного героя его вершинного романа "Доктор Фаустус". Особенно же велико было влияние Ницше на немецких писателей-декадентов. Идеи философии Ницше нашли свое отражение и в творчестве Толстого, Горького и в работах, как русских, так и зарубежных мыслителей XX века, равно как и в художественной концепции А. А. Блока. Эта концепция, прежде всего, реализуется в неоромантизме поэта, стихийности, лиризме, окрашенном иронией, осмыслении категории свободы и поисках Бога, мотивах метели, маски, замутненного восприятия современной жизни. Эти же компоненты присущи мировоззрению Ницше ("Так говорил Заратустра", "Рождение трагедии из духа музыки", "Рождение Трагедии"). Но и сам Ницше черпал свои идеи, например, у Достоевского. Таким образом, если "...какой-нибудь человек сопротивляется всему своему времени, задерживает его у ворот и привлекает к ответственности, это должно оказывать влияние! Хочет ли он этого, безразлично; главное, что он может это" [*Ницше Ф. Веселая наука. Часть 5 // <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000636/st004.shtml>*].